

из старых авторов Уаман Пома де Аяла, наряду с применением этого слова к кипу («узелковое письмо»), совершенно определенно обозначал им алфавитное испанское письмо. В свою очередь Ибарра Грассо обнаружил, что современные индейцы Боливии применяют его только к бумаге, содержащей какой-либо текст, алфавитный или иероглифический. Чистая бумага носит другое название. Кроме того, quillsa имеет все свойства глагола. Из сопоставления этих фактов опять-таки напрашивается вывод о древнем происхождении письма андских индейцев. Окончательное решение этого вопроса зависит, конечно, от открытия древних памятников перуанской письменности. Следует отметить, что некоторые паходки уже сделаны (например, камень с надписью, найденный Познанским в стене древнего храма). Можно предполагать, что древнеиндейская письменность деградировала в колониальный и последующий периоды.

Между прочим Грассо полагает, что кипу («узелковое письмо») не являлось чем-то принципиально отличным от иероглифического письма. Эта гипотеза, приписывающая узелкам, их цвету, количеству и расстоянию между ними качества иероглифов, не лишена интереса. Однако в рецензируемом труде она не развернута и представляется спорной.

К сожалению, в книге Ибарра Грассо, помимо спорных и проблематичных положений, встречаются утверждения, которые должны быть отвергнуты.

Совершенно несостоятельны соображения автора о том, что иероглифическая письменность (с расположением знаков в линию) возникла под влиянием «письменности на глине» (при помощи упоминавшихся глиняных фигурок на глиняных дисках и прямоугольниках). Расположение знаков в линию обусловлено тем, что письменность передает по порядку все слова предложения в отличие от пиктографии. «Письменность на глине», несомненно, явление вторичное.

Грассо пытается доказать превосходство андской иероглифики кечуа и аймара над письменностью майя. Здесь автор был введен в заблуждение работами ученых США, которые считают эту письменность идеографической. В действительности письменность майя, как и письменность перуанцев, иероглифическая². Таким образом, обе древние цивилизации на американском континенте имели письменность того же типа, как и древнейшие цивилизации Старого Света (Китай, Шумер, Египет).

Принципиально неверно положение о том, что письменность («прото-письмо», по выражению автора) возникла в одном месте в Старом Свете и оттуда затем распространилась по всему миру. Этот тезис «культурно-исторической» школы слишком нелеп, чтобы его серьезно опровергать, и весьма странно встретить его у столь компетентного автора.

Ю. Зубрицкий

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Dick Scott. *The Parihaka Story*. Auckland, 1954.

Книга Дика Скотта «Повесть о Парихаке», вышедшая в 1954 г. в Окленде (Новая Зеландия) в издательстве «Книги Южного Креста», представляет большой интерес. Она посвящена борьбе народа Новой Зеландии против захвата страны английскими колонизаторами. Парихака — селение на западном берегу Северного острова, в области Таранаки, опорного пункта движения, которое развивалось в 60—80 гг. прошлого века, как последняя волна сопротивления народа маори. Так называемые маорийские войны и борьба за независимость, продолжавшаяся после официального замирения 1872 г., освещены в литературе слабо, и главное — тенденциозно. Книга Скотта — одна из первых, если не самая первая, — восстанавливает историческую истину и правдиво излагает события, связанные с движением Те-Вити. На основании документов и официальных сведений, как и сообщений очевидцев-англичан, Скотт доказывает, что военные действия и насилия, разрушения мирных селений и массовые убийства женщин и детей были вызваны лишь стремлением колонизаторов возможно быстрее поработить народ Новой Зеландии, установить полное владычество Британской империи. Мирные маори не давали никаких поводов для жестокостей, чинившихся английской солдатчиной, — об этом свидетельствуют врачи, священники и многие другие участники позорной кампании разгрома Парихаки.

С другой стороны, сообщения очевидцев маори и некоторых англичан дали возможность автору обрисовать положение сопротивлявшихся. Описано селение Парихака на территории маори, в так называемой «Стране Короля», которую они отстаивали в течение десятилетий. Описана деятельность их вождя Те-Вити-О-Ронгомай, установившего особые порядки в Парихаке и сделавшего это селение центром борьбы за независимость. Автор ярко показал, что Те-Вити стремился к развитию мирной жизни Парихаки, делал все от него зависящее, чтобы мирными средствами, без применения

² См. работы Ю. В. Кнорозова «Древняя письменность Центральной Америки», «Советская этнография», 1952, № 3; «Письменность древних майя», «Советская этнография», 1955, № 1.

оружия, отстают право на самостоятельное существование народа маори. Парихаки служила как бы примером для всего народа, установленные в ней порядки должны были вдохновлять и в действительности вдохновляли сопротивлявшихся.

Автор не провел анализа программы Те-Вити, не вскрыл социальных противоречий, существовавших в обществе маори. Небольшой по объему труд представляет собой скорее развернутый очерк хода событий и описание внешней стороны жизни Парихаки. Но и в такой форме история Парихаки имеет большой интерес, освещая малоизвестную страницу борьбы маори против колониализма.

Работа Д. Скотта, пронизанная большой симпатией к маорийскому народу и уважением к его культуре,— ценный вклад в историю Океании, ее народных масс. Было бы полезно перевести «Повесть о Парихаке» на русский язык, чтобы с ней могли ознакомиться широкие массы советских читателей.

Б. Шаревская

A. A. Koskinen. *Missionary Influence as a Political Factor in the Pacific Islands* Helsinki, 1953.

Изданная Финской академией наук монография молодого ученого-социолога Аарне Коскинена посвящена деятельности миссионеров на островах Тихого океана, главным образом в первой половине XIX в. Хотя автор избрал сферой своего исследования всю Океанию, наибольшее внимание он уделяет Полинезийским островам, так как именно здесь влияние миссионеров в рассматриваемый период было особенно ощутимым.

Коскинен рассматривает широкий круг проблем, интересующих как историков, так и этнографов. Он опирается на большой фактический материал, собранный во время работы в английских архивах и библиотеках и в меньшей мере — в финских книгохранилищах.

Начнем наш разбор с вопроса об исторических предпосылках и социальной сущности миссионерского движения, поскольку от его решения зависит трактовка ряда частных проблем, затрагиваемых в этой монографии.

Как известно, наплыв миссионеров в Океанию начался на рубеже XVIII—XIX вв., когда в Англии, а затем и в других странах возникли миссионерские общества, созданные для распространения христианства среди островитян Южных морей. Автор связывает «взрыв миссионерского энтузиазма» с «религиозным оживлением», начавшимся в этот период, и приписывает всему движению чисто «гуманистическую» направленность (стр. 194—195). Между тем известно, что усиление клерикальных тенденций в жизни ряда европейских государств было ответом их правящих кругов на французскую буржуазную революцию. Что же касается миссионерского движения, то оно, будучи в известной мере отражением подъема клерикальной волны, в то же время имело свою особую социальную функцию.

Раньше других начали охоту за душами островитян английские миссионеры. И это не случайно. Англия во второй половине XVII в. вступила на путь промышленной революции. Быстро растущая промышленность требовала новых рынков и источников сырья; встал вопрос об освоении новых районов колониального грабежа. Три экспедиции Кука привлекли внимание английских правящих кругов к бассейну Тихого океана. Сюда и были посланы английские миссионеры в качестве разведчиков «новых горизонтов», в качестве передового отряда колонизаторов. Можно только удивляться предложенной автором трактовке английского миссионерского движения, так как сам он указывает, что это движение с самого начала финансировалось торгово-промышленными кругами и связанной с ними аристократией, что среди руководителей миссионерских обществ были влиятельные чиновники британского министерства колоний и даже отдельные члены кабинета (стр. 195—198).

Те же социально-экономические факторы вызвали к жизни миссионерское движение в Соединенных Штатах Америки и Франции. Мы не будем останавливаться на характеристике деятельности французских миссионеров, поскольку сам Коскинен подчеркивает, что нашествие католических патеров на острова Океании совпало по времени с развертыванием колониальной экспансии правительства Луи-Филиппа и было тесно координировано с политикой последнего (стр. 164—167, 187—188). Приведем несколько фактов, приоткрывающих завесу над действиями американских миссионеров.

Почему «Американский совет по делам иностранных миссий» выбрал в качестве основного поля своей деятельности Гавайские острова? Потому, что этот архипелаг находился на полпути между северо-западным побережьем Америки и Китаем, изобиловал сандаловым деревом и сделался базой для многочисленных американских судов, занятых китобойным промыслом на Тихом океане¹. Не случайно упомянутая миссио-

¹ См. Н. W. Bradley, *The American Frontier in Hawaii, The Pioneers, 1789—1843*. Berkeley — Los Angeles, 1942.